

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Возможно, причина в том, что я родился в спорном пограничье Трансильвании во время самой крупной и кровопролитной войны в истории человечества, но стратегия всегда меня привлекала и сделалась моей страстью. Конечно, вряд ли подобает так говорить о предмете, столь неопределенном и столь провоцирующем к распрям. Однако настоящая книга призвана помочь в постижении внутреннего смысла стратегии, и любые оправдания становятся лишними, стоит осознать, что на логику стратегии опирается не только развязывание войн, но и поддержание мира.

В данной книге не предлагается никаких подсказок для выстраивания политики — ни для Соединенных Штатов Америки, ни для любой другой страны на мировой арене, равно как и не содержится «рецептов» правильного использования вооруженных сил. Моя цель, скорее, состоит в том, чтобы раскрыть универсальную логику, которая обуславливает все формы войны и все противоборства народов, даже в мирное время. Все, на что люди способны, какими бы абсурдными или саморазру-

шительными, великолепными или отвратительными ни были эти поступки, давным-давно уже сделано в войне и в государственном управлении, а в самих поступках нельзя обнаружить и намека на логику. Но логика стратегии проявляется в последствиях дел (или недеяния); именно исследуя эти последствия, зачастую непреднамеренные, мы в состоянии понять природу и работу логики.

Теперь критически настроенный читатель вправе усомниться в непомерности амбиций такого исследования. Поскольку события войны и мира слишком уж спонтанны для того, чтобы их можно было проверить наукой и отыскать единственно правильное значение, то есть вывести действительно непогрешимые теории, можно предполагать, что дальнейшее изложение будет пестреть банальностями или, хуже того, окажется бессмысленным нагромождением псевдонаучных истин. Искренне прошу подождать с вынесением приговора до последней страницы — и на всякий случай вношу необходимое пояснение.

Долгий путь к манящему месту назначения начался вовсе не с постановки упомянутой амбициозной цели. Читая военно-историческую литературу, изучая в подробностях историю Римской и Византийской империй, занимаясь профессиональной деятельностью кабинетного военного аналитика и улаживая в полевых условиях различные конфликтные ситуации, я, подобно своим предшественникам, пришел к выводу, что опыт каждой войны уникален, что это всегда итог уникального сочетания политических целей, преходящих эмоций, технических ограничений, тактических приемов, оперативных схем и географических факторов. Но все же с годами начали

выявляться соблазнительные совпадения, которые выстраивались во все более строгие закономерности, причем некоторые из них уже были отмечены в исследовательской стратегической литературе, прежде всего в знаменитой книге Клаузевица¹, а вот другие, как казалось, оставались вне поля зрения. В предпринятых исследованиях манило то, что выявленные закономерности не соответствовали привычным ожиданиям и не упорядочивались какой-либо знакомой и очевидной логикой причин и следствий.

Видение стратегии возникло из массы прочитанных слов, изученных ситуаций и реально прожитых военных событий, и я обнаружил, что в этом видении присутствует вовсе не прозаический набор банальностей, а обилие парадоксов, ироний и противоречий. Более того, логика стратегии как будто разворачивалась в двух измерениях — это «горизонтальные» противоречия тех, кто стремился одолеть, сдержать и победить друг друга (благодаря чему стратегия и стала парадоксальной), и «вертикальное» взаимодействие на различных уровнях конфликтов — техническое, тактическое, оперативное, стратегическое и еще более высокое, лишенное естественной гармонии.

Коротко говоря, я предлагаю маршрут для исследования. Путь начинается с описания ряда столкновений с динамическими силами «горизонтального» измерения; далее мы идем вверх, уровень за уровнем, по «вертикальному» измерению стратегии и достигаем точки, в которой оба измерения сливаются в большой стратегии окончательных результатов.

¹ Имеется в виду работа К. фон Клаузевица «О войне» (см. Библиографию). — *Примеч. перев.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2016 г.

Когда рукопись этой книги отправилась в типографию, это не означало, что я бросил изучать стратегию и войну как явление, что я перестал заниматься аналитической работой в полевых условиях и в должности советника по государственной безопасности. Под влиянием теории и практики моя исходная идея продолжала развиваться, принося новые плоды, которые нашли отражение в пересмотренном издании 2001 года, а ныне дополнили пересмотренное и обновленное издание 2016 года. Среди этих плодов нужно выделить концепцию «геоэкономики», то есть проникновения воинственных настроений и способов противостояния в отдельные области международной торговли; еще отмечу как новое концепцию «постгероической войны» — так я обозначаю новейшее стремление сражаться практически без потерь и его неожиданные последствия, включая сюда дистанционно управляемую «войну беспилотников»; прибавлю также изучение основных источников стратегического мышления, анализ последствий войн, которые прерываются вмешательством извне, и (это совершенно другое) переоценку потенциала и серьезных ограничений

авиабомбардировок вследствие развития систем наведения. Если коротко, структура книги осталась прежней, значительная часть текста была написана заново, а остальное подверглось тщательной переработке и обновлению. Ни окончание холодной войны, ни возвышение Китая, ни широкомасштабные вспышки исламистского насилия по всему миру не способны изменить логику стратегии. Тем не менее новые обстоятельства требуют нового набора примеров, да и отдельные недавние технические достижения заслуживают отдельного рассмотрения. Кроме того, я постарался вычеркнуть из текста наиболее темные места; надеюсь, теперь мое сочинение больше не воспринимается как повторный перевод с немецкого.

Часть 1

ЛОГИКА СТРАТЕГИИ

ВВЕДЕНИЕ

Si vis pacem, para bellum: «Хочешь мира — готовься к войне» — так гласит римская поговорка, которую до сих пор охотно цитируют ораторы, рассуждающие о пользе мощного вооружения. Нам твердят, что надлежащая боеготовность отражает те нападения, каковые провоцируются слабостью, и тем самым сохраняет мир. При этом, конечно, столь же справедливо утверждение, что надлежащая боеготовность может обеспечить мир совершенно иным способом — убедив слабого сдаться сильному без боя. Древнеримское изречение, изношенное и затертое долгим словоупотреблением, давно уже перестало стимулировать наше мышление, однако именно сама его банальность поучительна: в этой парадоксальной фразе скрывается вопиющее противоречие, которое подается так, будто оно есть строгое логическое высказывание (чего едва ли можно ожидать от простой банальности).

Почему же это противоречивое высказывание принимается столь безоговорочно и даже игнорируется как самоочевидное? Разумеется, кое-кто с ним не соглашается, и целая академическая дисциплина

«изучения мира»¹ опирается на утверждение, что мир нужно изучать как самостоятельное явление и активно трудиться ради него в реальной жизни: *Si vis pacem, para pacem*, или «Хочешь мира — готовься к миру», как могли бы сказать приверженцы этой дисциплины. Но даже те, кто отказывается от упомянутого выше парадоксального совета, не отвергают его как самоочевидное глупое противоречие, опровергаемое здравым смыслом. Напротив, они рассматривают его как пример ошибочной общепринятой мудрости и противопоставляют ей идеи, которые сами считают новаторскими и небанальными.

Значит, вопрос остается в силе: почему указанное вопиющее противоречие принимается столь охотно? Вдумайтесь в абсурдность подобного совета в любой области жизнедеятельности за пределами стратегии: «Если хочешь А, стремись к Б, его противоположности», то есть «если хочешь похудеть, ешь побольше», «если хочешь стать богатым, зарабатывай меньше»! Конечно, мы категорически отвергли бы такие наставления. Но в царстве стратегии, которое охватывает поведение людей и последствия их отношений в контексте фактических или возможных вооруженных конфликтов², мы научились принимать

¹ Эта социальная наука получила развитие в 1960-х гг. и постепенно обрела международное признание; с 1973 г. действует Общество изучения мира, а с 2001 г. — Ассоциация изучения мира и справедливости. — *Примеч. перев.*

² У стратегии множество определений, но ни одно из них не является полностью приемлемым. Под этим словом понимают и доктрину, и простой план, и описание какой-либо повседневной практики, и совокупность теорий. См. Приложение 1, где приводится ряд наиболее типичных определений стратегии.

парадоксальные высказывания как обоснованные. Нагляднейшим примером здесь выступает понятие ядерного «сдерживания», настолько глубоко усвоенное в годы холодной войны, что многим ныне оно кажется прозой жизни. Чтобы защищаться, мы должны быть готовы напасть в любое время. Чтобы извлечь выгоду из ядерного оружия, нельзя им пользоваться, пусть изготовление и поддержание ядерного арсенала обходится недешево. Быть готовым к нападению ради «возмездия» — это доказательство мирных намерений, но возведение противоядерной защиты свидетельствует об агрессии, оно как минимум «провокативно», если исходить из общепринятых взглядов. Споры о безопасности в рамках ядерного сдерживания снова и снова разгорались во время холодной войны, и, конечно, возникало немало препирательств по всем отдельно взятым вопросам политики в области ядерного вооружения. Но явным парадоксам, составлявшим саму суть ядерного сдерживания, было суждено остаться незамеченными.

Здесь я намерен выдвинуть следующее положение: стратегия не просто включает в себя то или иное парадоксальное высказывание, вопиющее противоречивое, но признаваемое обоснованным; скорее, *вся область стратегии пронизана парадоксальной логикой*, принципиально отличной от обычной, «линейной» логики, которой мы руководствуемся во всех остальных областях жизни. Когда конфликт отсутствует или видится незначительным для производства и потребления, для коммерции и культуры, для социальных или семейных отношений и для согласованного управле-

ния¹, то есть когда борьба и конкуренция в большей или меньшей степени сдерживаются законами и обычаями, преобладает непротиворечивая линейная логика, суть которой составляет простой здравый смысл. С другой стороны, в области стратегии, где человеческие отношения обусловлены реальным или возможным вооруженными конфликтами, действует совсем другая логика, обыкновенно нарушающая ординарную линейную логику за счет объединения и переосмысления противоположностей. Потому-то и вознаграждается парадоксальное поведение, а обычные линейно-логические действия отвергаются; последствия бывают курьезными и даже смертельно опасными.

---

¹ Политика репрессий, напротив, всегда воинственна, даже если избегает кровопролития. Во всех своих проявлениях она напоминает военные действия, предлагает собственные версии нападения и обороны, набегов и ударов из засады. Как на настоящей войне, здесь важно соблюдение тайны и обман: полиция старается внедриться в диссидентские круги обманом, а для диссидентов тайна является залогом выживания, тогда как внезапность необходима для успеха любого предприятия.

Глава 1

ОСОЗНАННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПАРАДОКСА НА ВОЙНЕ

Рассмотрим обычный тактический выбор из разряда тех, которые часто встают на войне. Чтобы достичь цели, наступающее войско должно выбрать одну из двух дорог, хорошую или плохую: первая — широкая, прямая и вымощенная, тогда как вторая, грунтовая, узка и извилиста. Только в парадоксальном царстве стратегии вообще возможен такой выбор, ведь лишь на войне плохая дорога может оказаться хорошей именно потому, что она плоха и ее менее усиленно охраняют, а то и вовсе оставят без охраны. А вот хорошая дорога может оказаться плохой как раз потому, что она гораздо лучше, значит, именно по ней следует ожидать наступления противника и выставить там заслон. В этом случае парадоксальная логика стратегии стремится к крайности, полностью изменяя противоположности: А не движется к своей противоположности Б (например, подготовка к войне, предположительно, готовит мир), но в самом деле становится Б, а Б превращается в А.